
ИДЕИ И ПРАКТИКА

Л.А. ФАДЕЕВА*

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ И КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы популярности концепта идентичности в современных социально-гуманитарных науках и концептуализация понятий политической идентичности и политики идентичности. Автор анализирует основные проблемы и результаты политологических исследований идентичности (социальной, национальной, гендерной, гражданской, политической и др.), характеризует различия в подходах российских и западных ученых к политике идентичности, отмечая высокую степень состязательности и проблематичности этой категории.

Ключевые слова: идентичность; политическая наука; политическая идентичность; политика идентичности.

L.A. Fadeeva

Identity as political science term: Research area and cognitive resource

Abstract. The article examines the main factors of researchers' interest to the concept of identity and the conceptualization of political identity and identity policy. The author analyzes problems and results of political scientists' investigations of identity (social, national, gender, civic, political etc.). The differences of approach to iden-

* **Фадеева Любовь Александровна**, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедры политических наук ФГБОУ ВПО Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

Liubov Fadeeva, Perm State University (Perm, Russia), e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

tity policy are explained by differences of research traditions and by contentious character of the concept.

Keywords: identity; political science; political identity; identity policy.

Проблемы с идентичностью

Категория идентичности испытала на себе все вызовы и трудности, с которыми сталкивается научное понятие, введенное в широкий публичный оборот. С одной стороны, чрезвычайная популярность данной категории обусловила вал публикаций – как научных, так и публицистических, – которые посвящены идентичности в разных ее измерениях и проявлениях. «Производство (“взрыв”) идентичности становится одним из самых популярных полей социального и гуманитарного знания с конца 1960-х годов, проникая и в самые различные социальные практики», – отмечает Г.Я. Миненков [Миненков, 2011].

Подобный взрыв ученые объясняют потребностью дать анализ «социокультурных оснований общественных процессов, и в том числе политических изменений» [Семененко, 2011], «потерей кредита традиционной понятности» [Малахов, 2008] когнитивным поворотом в науке, выдвиганием новых акторов в публичном поле. Можно говорить о совокупности факторов научного и социально-политического характера, обусловивших то, что целая плеяда блестящих исследователей, таких как Б. Андерсон, З. Бауман, П. Бергер, П. Бурдьё, Э. Гидденс, К. Калхун, М. Кастельс, Э. Лакло, А. Мелуччи, Ш. Муфф, Ч. Тилли, Ч. Тэйлор, А. Турен, С. Холл и другие, включили идентичность в сферу своих научных интересов, способствовали ее концептуализации, сделав эту категорию привлекательной и популярной.

«Приход» категории идентичности в политическую науку из сферы психологии, социологии и социальной антропологии, как разъясняет И.С. Семененко, важен тем, что она «позволила соединить индивидуальный и надывдивидуальный (на уровне групп, больших и малых сообществ) срезы политического сознания и поведения и отразить одновременно и динамику, и состояние общественных настроений, и сопряженную с ними рефлексивность их носителей» [Семененко, 2011, с. 8]. В результате интеллектуальных усилий ученых были разработаны так называемые сильная и сла-

бая концепции идентичности, определились разные методологические подходы к ее анализу. Сильная и слабая трактовки отличаются пониманием природы идентичности, степени ее устойчивости, стабильности и др. В значительной мере они сопряжены с разными подходами – эссенциалистским и конструктивистским. Согласно первому подходу, идентичность определяется понятиями «самость», постоянство, непрерывность, идентификация с группой, память, сингулярность, исключительность. В конструктивистском подходе используются понятия «социальный конструкт», контекст, властные отношения, стратегия, переговоры. Даже понятие «самость» используется как элемент конструкта. По мере развития концепта идентичности усиливались позиции конструктивистского подхода, который в настоящее время является доминирующим. Согласно ему, идентичность определяется как «категория социального и гуманитарного знания, ориентированная на выявление и описание смысловых характеристик индивидуальных и коллективных действий в контексте (само) определения принадлежности субъектов данных действий к тем или иным группам и / или сообществам и соответствующим ценностно-нормативным регуляциям» [Миненков, 2011, с. 18].

Однако эссенциалистские интерпретации остаются значимыми в ряде случаев, например когда речь идет о региональной или локальной идентичностях [Смирнягин, 2007; Назукина, 2009; Крылов, 2010]. Аналитический инструментарий, используемый представителями разных подходов, существенно различается. В реальности, на наш взгляд, трудно обнаружить как конструируемую идентичность без опоры на «самость», так и «чистую» идентичность, без элементов и механизмов конструирования.

К важным результатам концептуализации идентичности можно отнести то, что наполнились конкретным содержанием понятия национальной, гражданской, политической, этнической, локальной идентичностей, сложилось представление о множественной, многосоставной идентичности как атрибуте современности. При этом идентичность была и остается, по выражению З. Баумана, в высшей степени составительным термином; он уточняет: где бы ни употреблялось это слово, можно быть уверенным, что речь идет о борьбе: «Поле битвы – это родной дом идентичности. Идентичность приходит в жизнь в грохоте битвы, и она задремывает и становится безмолвной, когда битва стихает» [Bauman, 2004, p. 77].

Справедливо замечание О.В. Поповой, что на современные версии теории идентичности оказали влияние исследователи, стоящие на принципиально разных методологических (можно добавить – и идеологических) позициях [Попова, 2011, с. 24].

Существенное место в научной полемике занимает проблема кризиса идентичности. Более того, на протяжении ряда лет полемика идет по поводу кризиса самого концепта идентичности. Широкая популярность данного понятия, вошедшего прочно в лексикон социально-гуманитарного знания, привела к чрезмерной многозначности интерпретаций идентичности. «В отсутствие в политической науке общего дискурса идентичности (как способа ее репрезентации в публичном пространстве и “говорения” об идентичности) нынешние частные дискурсы зачастую представляют туманные смыслы либо создают – усилиями публичных интеллектуалов и политиков – благодатную почву для политического манипулирования. Причем это отнюдь не сугубо российская, а общая для современной политической науки и социогуманитарного знания проблема», – этим объясняет И.С. Семененко критический настрой ряда исследователей в отношении когнитивного потенциала концепта идентичности [Семененко, 2011, с. 13]. Наибольшую известность в этом плане получила острая полемическая статья Роджера Брубейкера и Фреда Купера «За пределами идентичности», авторы которой заявляли: «Идентичность может означать слишком много..., слишком мало... или вообще ничего», указывая именно на неоднородность и чрезмерную многозначность понятия идентичности, перед которым исследователи, на их взгляд, капитулировали как по интеллектуальным, так и по политическим основаниям [Brubaker, Cooper, 2000, p. 1]. Авторы критического очерка, который активно цитируется в дискурсе идентичности, попытались обойти ловушки терминологического характера и те, что связаны с политической конъюнктурой. Проведя основательный анализ генезиса концепта идентичности и современных вариантов его применения, они убедительно обосновали необходимость отхода как от конъюнктурного и чрезмерно политизированного его понимания, так и от слишком амбивалентного.

Как правило, именно критические замечания статьи «За пределами идентичности» цитируются чаще всего. Между тем ее авторы предприняли попытку существенного продвижения концепта идентичности, его развития за счет включения и разработки таких

понятий, как идентификация и категоризация; самосознание и место в обществе; общность, связанность и групповая принадлежность. Несмотря на усилия Брубейкера и Купера тщательно прописать предлагаемые категории, им не удалось преодолеть многозначность и даже двусмысленность данной цепочки понятий [Борьба за идентичность... с. 7].

В российских научных кругах в конце 1990-х годов широко обсуждалась статья В.С. Малахова «Неудобства с идентичностью», в которой говорилось, что «идентичность делается составной частью своего рода жаргона, бессознательное употребление которого превращается в норму и научной публицистики, и политической журналистики» [Малахов, 2008, с. 33]. Именно такое бессознательное или плохо осознаваемое употребление понятия идентичности сделало популярными шутки: проблематика идентичности якобы более всего подходит для любителей научного туризма, если не знаешь, как объяснить какое-то явление или процесс, используй понятие идентичности. Это аналогично тому, как иронически лет 20 назад подшучивали над категорией политической культуры. Это совершенно не случайно, поскольку обе категории, по точному замечанию И.С. Семененко, разрабатываются и внедряются в политической науке в качестве инструментария, который бы позволил «выявить механизмы влияния ценностных ориентаций на эволюцию социальных и, в частности, политических институтов» [Семененко, 2011, с. 8].

Многозначность категории идентичности объясняется сложностью ее генезиса. Ученые, которые внесли свой вклад в проблематизацию идентичности в социальном и политико-культурном измерениях, выходят на эту проблематику из разных сфер, побуждений и интересов. З. Бауман, П. Бергер, П. Бурдьё, Э. Гидденс, М. Кастельс, Э. Лакло, А. Мелуччи, Ш. Муфф, Ч. Тилли, Ч. Тэйлор, А. Турен – разве можно кого-то из них «приписать» к строго определенной области научных знаний и конкретных проблем? Для одних идентичность позволяет рассматривать многие важные черты современности, определяемой как текучая (Бауман), эпоха постмодернити (Гидденс, Холл). Для других обращение к идентичности важно в плане определения соотношения универсального и партикулярного (Лаклау, Муфф). Третьи идут к концептуализации идентичности через анализ коллективных действий (Мелуччи, Тилли). Выбор смыслов, борьба за признание – главное, что делает

«борьбу за идентичность» политической проблемой для Тэйлора и Кастельса [Миненков, 2011, с. 21–24].

Нет недостатка в объяснительных схемах популярности концепта идентичности в современных социально-гуманитарных науках. Это и неудовлетворенность традиционными понятиями, и рост социальных движений, и развитие новых информационных технологий. Немаловажное значение для судьбы концепта идентичности имеет его включение в обиход политиков и гражданских активистов, что придает ему налет политизированности. Обширный пласт публикаций посвящен обсуждению идентичности, оспариванию идентичности, концептуализации идентичности [Questioning identity... 2000; The identity in question... 1996]. Г.Я. Миненков точно подметил, что идентичности не создаются в лабораториях или аудиториях, а конструируются в конкретных социальных практиках, это и делает как сами эти практики, так и знание о них политическим, поскольку они всегда являются взаимодействием смыслов, которые индивиды вкладывают в социальные действия.

Освоение идентичности политической наукой

Для политической науки особое значение имеет концептуализация понятий политической идентичности и политики идентичности. Не случайно в России одно за другим вышли в свет издания с аналогичным названием [Политическая идентичность... 2011; Политическая идентичность и политика идентичности... 2011]. «Идентичность вообще, а политическая идентичность не в последнюю очередь, приобрела значение решающего фактора жизни человека в современном обществе, подверженном риску, неопределенности, кризису и изменениям», – поясняет Л.В. Сморгунوف интерес авторов двухтомника к «весьма острому в политическом отношении и интересному в научной интерпретации феномену» [Сморгунов, 2012, с. 178]. Он оценивает подход авторов как аналитический, объективистский, рационально определенный, синтезирующий дискурсивно наличный материал и стимулирующий дальнейшие исследования идентичности. В самом деле, с одной стороны, российские исследователи идентичности, опираются на достижения мирового социогуманитарного знания, а с другой – активизация интереса к проблематике идентичности в российской

политической науке происходит в принципиально иных условиях, прежде всего политических, что обусловило потребность в поиске новых подходов, оценок, даже языка.

Характеризуя развитие теории политической идентичности в зарубежной политической науке, О.В. Попова считает возможным выделить три волны концептуализации политической идентичности, которые связаны с актуализацией социально-политических проблем, прежде всего западных стран [Попова, 2011, с. 18–24]. Российская наука обращается к проблематике идентичности также с 1960-х годов, но в ином контексте и с учетом идейно-политической составляющей: так, в работах, посвященных социальной психологии рабочего класса, существенное место отводилось классовой идентификации и классовому сознанию [Дилигенский, 1962; Иерусалимский, 1988; Вайнштейн, 1977]. Кстати, проблематика классовой идентичности была популярной в 1960-е годы и в западной науке и не совсем утратила актуальность даже сегодня. Анализируя исследования классовой идентичности в современной науке, Серена Бафтон замечает, что отрицание значимости социального класса как источника социальных размежеваний или идентичности (Гидденс, Бауман, Лэш) парадоксальным образом пришлось на те годы (1990-е), когда пропасть между богатыми и бедными увеличилась, как и различия в уровне и образе жизни, образования, заботы о здоровье и пр. у разных социальных групп [Bufton, 2004, p. 20]. Она приводит убедительные примеры того, что среди исследователей существуют принципиально разные взгляды на доказательства существования классовой идентичности. Сейчас идет переосмысление классовой идентичности, в том смысле что ее предлагают снова иметь в виду, в пересмотренном виде.

Политическая идентичность и политика идентичности

Представляется, что особое значение имеет проблема концептуализации политической идентичности и политики идентичности. И.С. Семененко определяет политическую идентичность как «комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политиче-

ским сообществом. Она утверждается во взаимодействии с политическими институтами и реализуется в публичной сфере» [Семеновко, 2011, с. 71]. Предлагается два измерения идентичности: узкое и широкое. Первое предполагает соотношенность граждан с политическими институтами и их вовлеченность в политико-институциональное взаимодействие в рамках политической общности. Широкое измерение политической идентичности включает проекции национально-цивилизационных, этнонациональных, расовых, религиозных и конфессиональных, территориальных, возрастных, гендерных, культурных и иных составляющих социальной идентичности в политическую сферу.

Конструирование политической идентичности – процесс многоакторный, включающий усилия разных субъектов по формированию представлений о государстве и его институтах, ценностных ориентиров, политических притязаний, которые осуществляются в публичном пространстве. Очевиден факт, что ключевым игроком выступает государство, которое в проведении политики идентичности использует символическую политику, политику памяти, языковую политику. Исследователи отмечают существенную роль в символической политике и политике памяти подконтрольных власти СМИ, образовательных институтов, прежде всего школ и учебников истории [Национальные истории... 2009]. К субъектам формирования политической идентичности относятся политические партии, функции которых выражаются в артикуляции интересов, выработке смыслов, определении политической повестки дня. Претензии политических партий на субъектную роль в политике идентичности зависят от типа политической системы, практики партийного строительства и политической конъюнктуры. Одной из причин возникновения феномена «всеядных» партий (catch-all parties) является стремление создать широкую социальную базу за счет как можно более неопределенной партийной идентичности. В то же время политическая конъюнктура может диктовать четкие представления и ориентиры, в особенности если они направлены на определяемого «Другого» и позволяют представить партийную или идейно-политическую идентичность как национально-государственную.

Влияние на процесс формирования политической идентичности оказывают общественные организации, это относится в значительной мере к политике памяти: там, где публичная или коллектив-

ная память выстраивается совместно государством и общественными организациями, она имеет более широкую и легитимную базу [Идейно-символическое пространство... 2011]. Общественные организации могут выступать в качестве инициаторов значимых тем и сюжетов публичного обсуждения, повестки дня, способствовать укреплению или оспариванию ориентиров политической идентичности. Зачастую роль общественных организаций в политической идентификации становится предметом серьезных споров: так, в России дискуссии по поводу правозащитного движения носили в начале 2000-х годов настолько ожесточенный характер, что повлекли за собой изменения в самоидентификации самих правозащитников, которые с недавнего времени предпочитают называться гражданскими активистами. Политические элиты выступают в качестве безусловного субъекта политики идентичности, другое дело, что они гетерогенны и позиции разных групп отличаются в плане оценки политической идентичности. Бизнес-элиты играют роль субъекта формирования политической идентичности непосредственно в процессе определения идеологических и ценностных основ национально-государственной идентичности, как в эпоху господства неолиберальной идеологии, либо опосредованно, например через распространение концепта корпоративной социальной ответственности и корпоративного гражданства.

Особая роль принадлежит интеллектуалам и интеллектуальным сообществам. Понятие «публичный интеллектуал» появилось во второй половине XX в. с изменением пространства коммуникаций и актуализацией потребности в личностях, способных вести общественную дискуссию, адресовать свои размышления широкой публике, предлагая повестку дня. Несмотря на повсеместные стенания о том, что публичный интеллектуал как общественно значимая фигура исчезает или совсем исчез, такие личности, как Юрген Хабермас, Умберто Эко, Славой Жижек, Иммануил Валлерстайн и др., будоражат общественность, поднимая вопросы о политической, европейской, гражданской идентичностях. Еще более важна способность этих неординарных личностей формировать интеллектуальные сообщества, которые претендуют на субъектные позиции в политике идентичности [Фадеева, 2012]. Политический характер могут приобретать идентичности, формируемые этническими и конфессиональными сообществами. В современном мире эти сообщества приобретают особое значение, объясняя как множест-

венный характер идентичности, так и противоречивость глобализационных процессов. Следствием глобализации в немалой степени является все более активная роль региональных элит в конструировании идентичности. Перечень субъектов обширен, причем они оказывают влияние на политику идентичности даже тогда, когда сами не ставят такой цели. Например, феминистское движение гетерогенно по вопросу о наличии гендерной идентичности, часть его участников полагают такую идентичность искусственным конструктом. Тем не менее наличие гендерного подхода оказывает немаловажное влияние на политику идентичности. Новым феноменом являются сетевые сообщества, которые привлекают все больший интерес исследователей [Сообщества... 2009; Мирошниченко, 2013; Морозова, 2016]. Насколько они политически ориентированы, в какой мере совпадает сетевая идентичность и политическая идентификация, кто и как формирует политические идентичности в Интернете – эти вопросы носят как исследовательский, так и политически релевантный характер. Принципиальное значение имеет то, как складывается взаимодействие акторов в публичном пространстве, обладают ли они способностью учитывать множественный характер идентичности в современном мире, выстроить диалог друг с другом, скорректировать свои позиции под влиянием других, является ли их конкуренция публичной и корректной, либо она приобретает характер борьбы, переходящей в схватку

Понятия «схватка», «борьба», как уже отмечалось, часто используются для характеристики конструирования идентичности, и в особенности для характеристики политики идентичности. По мнению Г.Я. Миненкова, политика идентичности – это борьба, «борьба теоретическая и социально-политическая, связанная с разрушением прежних легитимаций и поиском признания и легитимности, а иногда и власти, а не только возможностей для самовыражения и автономии. Политика идентичности является политикой и потому, что она включает отрицание или замену тех идентичностей, которые другие, часто в форме различного рода ярлыков, хотели бы навязать от имени “всеобщего” борющимся за признание индивидам» [Миненков, 2005].

Исследование проблем идентичности в отечественной политологии

Что касается российской науки, то Г.Г. Дилигенский, заложивший основы социально-политической психологии, уделял существенное внимание процессам идентификации в российском обществе в переходные 1990-е годы. В рамках этого направления проводились исследования идейно-политической идентификации К.Г. Холодковским, В.В. Лапкиным, В.И. Пантиным. Интерес к данной проблематике демонстрировали многие политологи, социологи, конфликтологи, которые внесли вклад в анализ разных проявлений ее идентичности – партийной, этнической, региональной и др. [Попова, 2002]. Комплексный анализ гражданской, этнической и региональной идентичности содержится в серии коллективных монографий под редакцией Л.М. Дробижевой [Гражданская, этническая и региональная идентичность... 1962]. Кстати, обстоятельный обзор исследований этнической и национальной идентичности представлен в настоящем сборнике в статье В.А. Ачкасова, посвященной развитию этнополитологии.

Подходы к политике идентичности в отечественной науке существенно отличаются от западных. В западной науке сохраняется устойчивая традиция рассматривать политику идентичности применительно к меньшинствам, ущемленным в своих правах и претендующим на признание их специфики. Такая традиция сложилась в 1960-е годы на волне новых социальных движений и оказалась весьма прочной [Identity Politics... 2004; Knauer, 2011; D'Cruz, 2008]. Чаще всего политика идентичности оказывается связана с гендерной проблематикой. Гендерная идентичность выглядит как одна из наиболее проблематичных идентичностей, не только потому, что она рассматривается с разных, нередко – плохо совместимых теоретических позиций – психоанализа, теории социализации, постструктурализма, квира, но и потому, что подвергается политизации, временами – жесткой. Дороти Смит полагает, что проблематичность гендерной идентичности обусловлена доминированием капиталистических и патриархальных сил, Джудит Батлер видит в гендерном перформансе и идентичности индикаторы социального сопротивления и потенциал социальных изменений [Green, 2004].

Попытки оспорить такой подход к политике идентичности достаточно редки. Так, известный республиканский публицист Тод Джитлин предпринял одну из первых в американской практике попыток рассматривать политику идентичности в исторической ретроспективе именно в связи с тем, что обычно она оказывается плотно привязана к конкретным социальным практикам «бунтующих меньшинств». Он подверг критике идею, что идентичность есть прочное основание политики, поскольку сама она изменчива [Gitlin, 1995] «С окончания холодной войны идентичность становится новым способом делать политику», – замечает его рецензент Никола Эванс [Evans, 1998, p. 94]. Можно добавить, что в современной ситуации, которую называют новой холодной войной, острота проблемы только усилилась. Так или иначе использование идентичности в политических целях, выстраивание политического курса с опорой на конструируемую политическую или макрополитическую (термин, введенный О.Ю. Малиновой) [Малинова, 2010] идентичность очевидно, что требует от исследователей разработки новых подходов и отказа от жесткой привязки к устоявшимся стереотипам.

Не будет преувеличением сказать, что политика идентичности – понятие, которое только начинает разрабатываться в отечественной *политической науке*. И.С. Семененко определяет его как деятельность государства и других субъектов политического процесса, направленную на формирование совокупности ценностных ориентиров, практик, целью которой является формирование и поддержание национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, ориентиров развития национального сообщества и идентичностей групп и сообществ внутри него [Семененко, 2011, с. 160–168]. Эта сфера является объектом государственной политики и деятельности различных акторов, так или иначе задействованных в политическом процессе.

Концептуализации идентичности как категории политической науки посвящены публикации И.С. Семененко, как индивидуальные, так и коллективные, подготовленные под ее руководством. И.С. Семененко выступает не только в качестве генератора научных идей и креативного импульса в исследованиях идентичности, но и как организатор ряда проектов и конференций, ставящих целью сделать концептуализацию социальной и политической идентичности «одной из основ для развития нового направления меж-

дисциплинарных исследований – социально-политической культурологии или социокультурных исследований политики» [Семененко, 2011, с. 8]. Ей удалось собрать команду единомышленников, вошедших в Исследовательский комитет РАПН по исследованию идентичности, организовать и поддерживать Экспертную сеть по исследованию идентичности, которая объединяет больше сотни исследователей из России и ближнего зарубежья и успешно функционирует с 2009 г. Участники сети и члены исследовательского комитета представляют научные центры разных российских регионов. Уже упоминавшийся двухтомник под редакцией И.С. Семененко, по мнению Л.В. Сморгунова, призван стать событием в политической науке, поскольку его отличает «постановка проблемы соотношения политической идентичности, культуры и политического и значительное продвижение в ее решении, в концептуализации идентичности как политического феномена» [Сморгунов, 2012, с. 185].

Г.Я. Миненков указывает на важность задачи «вписать идентичность в некий поток событий и обозначить справедливость ее притязаний на признание другими. Отсюда столь острая борьба в современном обществе вокруг вопросов исторической памяти, или «мест памяти». Кроме того, практики идентификации оказываются своего рода предпринимательством, бизнесом, продажами. Очень ярко это проявляется, например, в практиках конструирования *национальных идентичностей*, где разворачивается острейшая борьба за владение «правильным» национальным дискурсом и «правильной» исторической памятью и механизмы их продвижения на «рынок идентичности» [Миненков, 2005].

По мнению О.Ю. Малиновой, «политика идентичности – если использовать это понятие расширительно, применяя его ко всем акторам, которые так или иначе участвуют в дискурсах и практиках, формирующих паттерны социальной идентификации, – является важной составляющей символической политики» [Малинова, 2010]. Разрабатывая категорию символической политики, О.Ю. Малинова способствует и развитию инструментария исследования идентичности, хотя в трактовке соотношения этих понятий есть существенные различия. Не вызывает сомнений, что разделяемые представления о прошлом являются одной из основных опор идентичности современных политических сообществ. И сообщество, стоящее за современным российским государством, в этом смысле не является исключением: конструирование его идентичности,

безусловно, включает в себя то, что можно было бы назвать политической памяти, т.е. производство социальных представлений о прошлом этого сообщества [Малинова, 2015].

Проблематика идентичности формирует широкое поле научных исследований. По-прежнему ключевое место в нем занимает идентичность национальная и национально-государственная. Так, масштабные исследования российской идентичности представлены трудами К.Г. Холодковского, С.В. Картунова, И.Н. Тимофеева и др. Особая тема – конструирование европейской идентичности или идентичности граждан ЕС. Существенное место в исследовательском поле начинают занимать новые технологии и социальные медиа, в рамках которых идентичность понимается как совокупность ресурсов, с помощью которых люди выражают себя и презентуют другим участникам во взаимодействии [The Language... 2014]. Безусловно, такая презентация принимает разные формы, она может быть разновидностью карнавала, театра масок. Борьба за идентичность осуществляется посредством социальных коммуникаций, и изменение коммуникативного пространства оказывает влияние на этот процесс [Борьба за идентичность... 2012].

В связи с этим понятен интерес политологов к вовлечению анализа коммуникативных практик в исследование конструирования идентичности, политики идентичности. Именно в таком ракурсе выстроены исследования кубанских (Е.В. Морозовой, И.В. Мирошниченко, И.В. Самаркиной) и пермских ученых (П.В. Панова, М.В. Руткаускайте, С.В. Пономарева, С.А. Новиковой, Л.А. Фадеевой, Н.В. Борисовой). Современные отечественные исследования позволяют внести коррективы во внесенные в научный оборот Кастельсом, Делезом и др. представления о ризомности и относительной свободе новых медиа как пространства социальных и политических взаимодействий. В современных условиях это пространство становится площадкой острой и временами ожесточенной борьбы, в том числе за идентичность.

Вряд ли можно утверждать, что идентичность как научная категория перестала быть проблематичной и составительной. Сохраняет актуальность замечание В.С. Малахова, что проблематичность идентичности как понятия объясняется ее привязкой к понятию национального. Составительность термина усиливается по мере нарастания важности политики идентичности. Это ставит перед исследователями новые задачи как по развитию концепта

идентичности, так и по анализу процессов ее конструирования, проходящих в противоборстве акторов, в современном мире. Тем не менее за последнее время предприняты серьезные и плодотворные усилия по концептуализации идентичности в качестве категории политической науки, существенный вклад в которые принадлежит российским ученым.

Список литературы

- Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: РОССПЭН, 2012. – 263 с.
- Вайнштейн Г.И.* Американские рабочие: сдвиги в общественном сознании. – М.: Наука, 1977. – 217 с.
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: РОССПЭН, 2013. – 485 с.
- Диллигенский Г.Г.* Рабочий на капиталистическом предприятии. – М.: Наука, 1962. – 410 с.
- Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под ред. О.Ю. Малиновой. – М.: РОССПЭН, 2011. – 285 с.
- Идентичность как предмет политического анализа / РАН. ИМЭМО; Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева. – М., 2011. – 299 с.
- Иерусалимский В.П.* Рабочий класс ФРГ: психология, сознание, сознательность. – М.: Мысль, 1988. – 282 с.
- Крылов М.П.* Региональная идентичность в Европейской России. – М.: Новый хронограф, 2010. – 240 с.
- Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // Идентичность. Хрестоматия / Сост. Л.Б. Шнейдер. – М.; Воронеж: Издательство МОДЕК, 2008. – 272 с.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис: Политические исследования. – М., 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Малинова О.Ю.* Концепция символической политики [видео] // Постнаука. – Режим доступа: <http://postnauka.ru/video/29961> (Дата посещения: 17.02.2016.)
- Миненков Г.* Идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2011. – Т. 1. – 208 с.
- Миненков Г.Я.* Политика идентичности: Взгляд современной социальной теории // Политическая наука. – № 3. – С. 21–38.
- Мирошниченко И.В.* Сетевой ландшафт российской публичной политики. – Краснодар: Просвещение–Юг, 2013. – 295 с.
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В.* «Инвесторы политического капитала»: социальные сети в политическом пространстве региона // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 2. – С. 60–76.

- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.В. Фронтир сетевого сообщества // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2016. – № 2. – С. 83–97.
- Назукина М.В. Региональная идентичность как категория политической практики. Автореф. дисс., канд. полит. наук. – Пермь: ПермГУ, 2009. – 24 с.
- Политическая идентичность и политика идентичности: Очерки / Под ред. О.И. Зазнаева. – Казань: Отечество, 2011. – 264 с.
- Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Отв. ред. И.С. Семенов. – М.: РОССПЭН, 2011. – Т. 1. – 208 с.
- Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Отв. ред. И.С. Семенов. – М.: РОССПЭН. – Т. 2. – 472 с.
- Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. – 257 с.
- Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа / Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева. – М.: ИМЭМО, 2011. – С. 13–28.
- Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии // Российская политическая наука: истоки и перспективы / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: РОССПЭН, 2015. – Т. 3. – 464 с.
- Семенов И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа / Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева / РАН. ИМЭМО. – М., 2011. – С. 8–12.
- Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4 Конвента РАМИ. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – Т. 2. – 116 с.
- Сморгунов Л.В. Политическая идентичность и понятие политического // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 6. – С. 178–185.
- Сообщества как политический феномен / Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: РОССПЭН, 2009. – 248 с.
- Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. – М.: Новый хронограф. – 2012. – 320 с.
- Bottero W. Class identities and the identity of class // *Sociology*. – L., 2004. – N 38(5). – P. 985–1003.
- Brubaker R., Cooper F. Beyond «Identity» // *Theory and society*. – Amsterdam, 2000. – N 1. – P. 1–47.
- Buften S. Social class // *Social identities: Multidisciplinary approaches* / Ed. by G. Taylor, S. Spencer. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – P. 14–34.
- D’Cruz C. Identity politics in deconstruction. Calculation with the incalculable. – Ashgate, 2008. – 127 p.
- Crompton R. Renewing class analysis. – Cambridge: Polity press, 2008. – 304 p.
- Eidlin B. Class and work. – L.: Sage, 2015. – 728 p.
- Evans N. Identity in question // *Quarterly journal of speech*. – L.; N.Y.: Routledge, 1998. – N 84:1. – P. 21–34.

- Gitlin T.* The twilight of common dreams: Why America is wracked by culture wars. – N.Y.: Henry Holt, 1995. – 288 p.
- Green L.* Gender // Social identities. Multidisciplinary approaches / Ed. by G. Taylor, S. Spencer. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – P. 35–63.
- Identity politics at work: Resisting gender, gendering resistance / Ed. by R. Thomas, A. Mills, J.H. Mills. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – 179 p.
- Bauman Z.* Conversations with Benedetto Vecchi. – Cambridge: Polity press, 2004. – 140 p.
- Knauer N.J.* Lesbian elders. History, law and identity politics in the United States. – Farnham: Ashgate publishing ltd., 2011. – 165 p.
- Questioning identity: Gender, class, nation / Ed. by K. Woodward. – L.; N.Y.: Routledge, 2000. – 166 p.
- The identity in question / Ed. by J. Rajchman. – L.; N.Y.: Routledge, 1996. – 310 p.
- The language of social media. Identity and community on the internet / Ed. by P. Seargeant, C. Tagg. – L.: Palgrave Macmillan, 2014. – 260 p.